

С. Б. Россинский*

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕБУЕТ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье в очередной раз поднимается проблема возможности и форм использования в доказывании по уголовным делам сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Основываясь на результатах своих прежних исследований в области доказательственного права, анализируя нормы действующего законодательства, доктринальные позиции по данному вопросу, современную судебную и следственную практику, автор приходит к выводу, что сегодняшние научные подходы и обусловленные ими прикладные технологии формирования доказательств на базе результатов оперативно-розыскной деятельности носят псевдопроцессуальный, искусственный характер и фактически являются не более чем прикрытием оперативно-розыскной информации наиболее удобным видом доказательств без разбора их гносеологической природы и сущности.

Автор предлагает своим коллегам признать, что единственно возможным вариантом решения проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности является легализация механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого, иллюзорного процессуального оформления.

Учитывая возможные негативные последствия вносимых предложений, осознавая вероятные риски и потенциальную опасность бесконтрольности и вседозволенности сотрудников правоохранительных органов, автор одновременно формулирует критерии допустимости использования в доказывании сведений, собранных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Таковыми, по его мнению, являются: а) невозпроизводимость полученных результатов следственным или судебным путем; б) возможность проверки и оценки относимости, допустимости и достоверности полученных результатов уголовно-процессуальными средствами; в) существование строго формализованного режима проведения оперативно-розыскных мероприятий, не уступающего по уровню гарантий режиму, установленному уголовно-процессуальным правом.

Ключевые слова: вещественные доказательства, доказательства, доказывание, иные документы, непроцессуальная информация, оперативно-розыскные мероприятия, показания свидетеля, результаты оперативно-розыскной деятельности, собирание доказательств, формирование доказательств.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.070-084

© Россинский С. Б., 2018

* Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

s.rossinskiy@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Отбросьте всё невозможное,
то, что останется, и будет ответом,
каким бы невероятным он ни казался.

А. К. Дойл. «Знак четырех»

В современных условиях развития теории и практики уголовного судопроизводства, необходимости дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства большую актуальность имеют различные проблемы, связанные с формированием новых и совершенствованием существующих подходов к процессуальному познанию и доказыванию как к некоей гносеологической и логической «сердцевине» всего сложного и многоаспектного механизма деятельности органов предварительного расследования и суда. И на этом фоне остается неразрешенным вопрос о возможности и допустимых пределах использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Значимость познавательных ресурсов, полученных непроцессуальным, главным образом оперативно-розыскным путем, признается большинством авторов, посвятивших свои работы данному сегменту уголовно-процессуальной науки. Например, М. П. Поляков пишет, что без использования технологий получения информации о преступлении, и в первую очередь средств и методов оперативно-розыскной деятельности, уголовному судопроизводству сегодня не под силу противостоять напору преступности¹. Е. А. Доля обращает внимание на объективный характер потребности в расширении потенциала результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Автор мотивирует это невозможностью

успешного раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях исключительно уголовно-процессуальными средствами². Об объективной необходимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности высказываются и многие другие специалисты³.

Вместе с тем, несмотря на подобные позитивные оценки результатов оперативно-розыскной деятельности для потребностей следственно-судебной практики, максимально полного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в уголовно-процессуальной доктрине доминирует позиция о невозможности их прямого, непосредственного использования в качестве полноценных средств познания по уголовному делу⁴. Причем основными аргументами в пользу данной точки зрения выступают тезисы о процессуальной недоброкачественности таких сведений, об их определенной ущербности по сравнению с предусмотренными УПК РФ видами (источниками) доказательств, обусловленной их получением в режиме, не обремененном достаточными процессуальными гарантиями⁵. В научной литературе результаты оперативно-розыскной деятельности традиционно относятся к так называемой непроцессуальной информации, чем и объясняется невозможность их использования в качестве полноценных доказательств по уголовному делу.

¹ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 4.

² Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Проспект, 2009. С. 7.

³ Например: Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М. : Юрист, 2000. С. 36—37 ; Астафьев Ю. В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия : Право. 2007. № 1. С. 284 ; Азаров В. А., Константинов В. В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 11. С. 21.

⁴ Например: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М. : Юрист, 2003. С. 221 ; Жажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 363.

⁵ Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 90 ; Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскные средства уголовно-процессуального познания // Вестник ВГУ. Серия : Право. 2006. № 1. С. 272.

Вполне очевидно, что противоречия устоявшихся теоретических постулатов с реальными потребностями правоприменительной практики и привели к некоторой нерешительности, непоследовательности законодателя при формировании соответствующей нормативной базы, обусловили возникновение коллизии, выраженной в отсутствии системного единства между положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ и законодательства об оперативно-розыскной деятельности. С одной стороны, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон «Об ОРД») и изданная в соответствии с ним Инструкция «О порядке представления результатов ОРД»⁶ предусматривают право оперативных работников на передачу в распоряжение дознавателя, следователя или суда материалов, фиксирующих ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий. Однако ст. 89 УПК РФ полностью блокирует возможность их использования в процессе доказывания по причине несоответствия требованиям уголовно-процессуальной формы, ввиду изначальной дифференциации правовых режимов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, необремененности оперативно-розыскных мероприятий гарантиями доброкачественности. Специалисты отмечают, что в существующем виде ст. 89 УПК РФ для эффективного использования непригодна⁷.

В этой связи в уголовно-процессуальной науке предпринимаются постоянные попытки выработать некий правовой механизм, направленный на легализацию сведений, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий для возможности их использования в дока-

зывании по уголовному делу. Причем большинство авторов, посвятивших свои исследования данной проблематике, обычно позиционируют эти сведения в качестве некоего информационного фундамента, на котором в дальнейшем могут быть сформированы полноценные доказательства⁸. Эта же идея находит поддержку в практике Конституционного Суда РФ, неоднократно отмечавшего, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм УПК РФ⁹.

Вместе с тем подобные позиции представляются надуманными, очередными теоретическими «фантамами», коими в настоящее время и без того изобилует национальная доктрина уголовного процесса. Их несостоятельность обуславливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, уголовно-процессуальный закон не устанавливает никаких правовых механизмов, направленных на возможность приобщения материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, то есть придания им подобия процессуальной формы. Е. В. Ежова совершенно справедливо пишет, что законодательство об оперативно-розыскной деятельности разрешает использование ее результатов в уголовном процессе, а сам УПК РФ такой процедуры не содержит¹⁰. Ни органы предварительного расследования, ни суды формально не имеют ни малейшей правовой возможности ввести такие материалы в уголовный процесс посредством каких-либо следственных

⁶ Совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

⁷ Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы Междунар. науч.-практ. конференции (27—28 октября 2003 г.). М. : МГЮА, 2004. С. 182 ; *Зажичкий В. И.* Указ. соч. С. 363.

⁸ Например: *Доля Е. А.* Указ. соч. С. 240 ; Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М. : Инфра-М, 2006. С. 554 ; *Астафьев Ю. В.* Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Иркутск : БГУЭП, 2014. С. 24.

⁹ Например: определения Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 24 сентября 2013 г. № 1505-О.

¹⁰ *Ежова Е. В.* Проблемы раскрытия преступлений в современной России. Уфа : БашГУ, 2008. С. 148.

или иных процессуальных действий: подобных действий УПК РФ просто не предусматривает.

А во-вторых, даже если бы УПК РФ и устанавливал подобные механизмы (аналогично тому, как это предусмотрено для представления вещественных доказательств или документов подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными заинтересованными участниками), это все равно не повлияло бы на разрешение существующих проблем. Такие механизмы позволили бы лишь формально приобщать материалы оперативно-розыскной деятельности к уголовному делу, при этом не изменяя их правовой природы, не придавая им никакой мнимой уголовно-процессуальной формы.

Вопреки иллюзорным тезисам многих ученых-процессуалистов, видимо просто опасющихся посмотреть правде в глаза и пытающихся прикрыть красивыми доктринальными рассуждениями существующие проблемы, никакие следственные, судебные или иные процессуальные действия не позволяют применить «задним числом» к уже произведенным оперативно-розыскным мероприятиям установленные УПК РФ правовые гарантии доброкачественности. Никакие процессуальные манипуляции не позволяют «натянуть» на уже сформированные оперативно-розыскным путем познавательные результаты процессуальную форму, подобно тому как фея из известной сказки Шарля Перро, махнув волшебной палочкой, превратила Золушку в принцессу, тыкву — в карету, а крысу — в кучера. Тем более ни следователь, ни дознаватель, ни судья не в состоянии никакими процессуальными действиями, повернув время вспять, возвратить вектор познания на исходные позиции и установить заново, «с чистого листа», повторно невозпроизводимые обстоятельства, уже воспринятые оперативными сотрудниками.

Для наглядности проиллюстрируем это следующим примером. Так, сотрудниками уголов-

ного розыска г. Москвы в ходе проведенного на основании оперативной информации обследования транспортного средства — автомобиля Infiniti Qx70 — были обнаружены два автомата системы Калашникова (АК-105) и 128 штатных патронов к ним калибра 5,45 мм¹¹. Конечно, сами по себе обнаруженные огнестрельное оружие и боеприпасы — это потенциальные вещественные доказательства, подлежащие приобщению к материалам возбужденного по данному факту уголовного дела в порядке ст. 81 УПК РФ; в данной части никаких осязательных теоретических или практических вопросов вроде бы не возникает. Но как быть с установленным фактом нахождения этих объектов не где-нибудь, а именно в определенном месте — в автомобиле, принадлежащем потенциальному обвиняемому?

В своих публикациях, связанных с методологическими проблемами доказывания, с разграничением отдельных видов доказательств в зависимости способов процессуального познания, мы неоднократно писали, что вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) — это не более чем сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. Вещественное доказательство может поведать лишь то, что оно действительно существует, а не является чьим-либо вымыслом, «миражом». В этой связи мы выражаем несогласие с позициями целого ряда авторов, смешивающих вещественные доказательства с местами их обнаружения, с информацией об их расположении относительно друг друга и тому подобными данными¹².

Сведения о нахождении той или иной вещи в определенном месте (у определенного лица) либо об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов предполагают формирование иных доказательств — результатов (протоколов) «невербальных»¹³ следственных (судебных) действий, подпадающих под

¹¹ Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2016 г. URL: <http://sudrf.ru>.

¹² Например: Кудрявцева А. В., Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 36—37; Смирнов А. В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 31—32; Боруленков Ю. П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующих мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие уста-

диспозицию ст. 83 УПК РФ. Такие результаты (протоколы) обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания.

Дознаватель, следователь или даже суд решает эти вопросы путем производства предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных (судебных) действий, например осмотра или обыска, проводимых посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности.

Но как быть оперативному работнику, действующему в правовом режиме, установленном Законом «Об ОРД»? С одной стороны, вышеуказанное оперативное обследование — это познавательное мероприятие, которое по своей гносеологической сущности является близким, родственным, может быть, даже идентичным следственному осмотру или обыску. Ведь оперативно-розыскная деятельность так же, как уголовное судопроизводство, представляет собой частный случай применения теории познания¹⁴. Но, с другой стороны, оно проводится в ином правовом (непроцессуальном) режиме, поэтому в принципе не может обуславливать появление доказательств, аналогичных результатам (протоколам) «невербальных» следственных или судебных действий.

Конечно, если решать указанную проблему на основании догматичного формализма (в негативном понимании этого термина), то можно использовать так называемую двухэтапную технологию: сперва обнаружить в оперативно-розыском режиме какие-либо предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела, а затем вернуть их на прежнее место («запихнуть назад») или просто не прикасаться к ним, тем самым обеспечив возможность их «повторного обнаружения» дознавателем или следователем посредством осмотра, обыска или иного следственного действия. Однако вполне очевидно, что подобные приемы абсолютно абсурдны и недопустимы. Они не только полностью противоречат истин-

ному, «высокому» назначению уголовного судопроизводства, но и просто извращают весь смысл, всю гносеологическую сущность уголовно-процессуального доказывания, превращая его в профанацию. К слову, такой алгоритм действий уж очень отчетливо напоминает ставший притчей во языцех эпизод задержания в трамвае вора-карманника из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

Можно сколько угодно теоретизировать и рассуждать о правовой непригодности результатов повторно невоспроизводимых оперативно-розыскных мероприятий (оперативного обследования, оперативного эксперимента, проверочной закупки и т.д.), можно даже формально признавать их недопустимыми и исключать из материалов уголовного дела. Но сам факт обнаружения и изъятия сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, имеющих значение для последующего уголовного дела, полностью «выкинуть» из объективной реальности просто нельзя. Здесь, как и во многих других случаях, законы (закономерности) гносеологии берут верх над созданными человеческим разумом и поэтому далеко не безгрешными законами юридическими, над нестабильной процессуальной формой.

Поэтому, несмотря на установленные ст. 89 УПК РФ правовые ограничения, практика использования в доказывании сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, имеет повсеместное применение. А сотрудники правоохранительных органов относятся к ней как к само собой разумеющейся. Причем выработанные на сегодняшний день прикладные технологии «формирования» доказательств на основе этих результатов сводятся все к тому же простому представлению соответствующих материалов для приобщения к уголовному делу исключительно на основании норм оперативно-розыскного права (вышеуказанных положений Закона «Об ОРД» и Инструкции «О порядке представления результатов ОРД»). Иными словами, правоприменитель, прикрываясь красивыми лозунгами, изобретает некие «обходные пути», а фактически просто игнорирует установленные запре-

новлению по уголовному делу (подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* Следственные действия. М. : Норма, 2018. С. 66—70). Вместе с тем с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в процессуальной и криминалистической литературе мы используем его в данном контексте с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берем в кавычки.

¹⁴ *Бедняков Д. И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М. : Юрид. лит., 1991. С. 81.

ты. Дознаватели, следователи и судьи в своих приговорах, постановлениях или определениях прямо ссылаются на материалы оперативно-розыскной деятельности как на полноценные доказательства. Приведем лишь несколько примеров.

Так, в приговоре одного из районных судов г. Москвы было указано, что вина подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 290 УК РФ, помимо всего прочего подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», полученными с соблюдением требований УПК РФ¹⁵. В другом случае судьи Московского областного суда в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела оставили приговор суда первой инстанции по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ без изменения. Свое решение они мотивировали тем, что вина подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления доказана в полном объеме и, помимо прочего, подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», полученными с соблюдением требований УПК РФ¹⁶.

Кстати, возможность прямого использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам фактически подтверждает и Пленум Верховного Суда РФ. В одном из своих постановлений он разъясняет, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством¹⁷.

Подобные формулировки судебных актов неизбежно приводят к вопросу: что это за требования уголовно-процессуального закона, которые обуславливают получение материалов оперативно-розыскных мероприятий, в частности проверочной закупки или оперативного эксперимента? Как уже отмечалось выше, данный вопрос в принципе не предполагает вразумительного ответа, но тем не менее факты прямого оперирования результатами оперативно-розыскной деятельности как доказательствами по уголовному делу — это объективные реалии современной судебной и следственной практики.

Впрочем, указанным формулировкам можно легко найти вполне логичное объяснение. Они четко согласуются с положениями ст. 89 УПК РФ. Позиционируя «на бумаге» результаты оперативно-розыскной деятельности как соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства, правоприменитель, таким образом, создает некую правовую иллюзию, некую видимость их допустимости и, следовательно, законности выносимого юрисдикционного решения.

Однако в реальности органы предварительного расследования и суды связывают процессуальную доброкачественность результатов оперативно-розыскной деятельности исключительно с соблюдением требований Закона «Об ОРД». Приведем еще несколько примеров. Так, в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ коллегия судей Московского областного суда признала недопустимыми результаты оперативного эксперимента, проведенного сотрудниками полиции Пушкинского района Московской области ввиду отсутствия в материалах дела постановления о проведении данного мероприятия, то есть в связи с нарушением положений ст. 8 Закона «Об ОРД»¹⁸. В свою очередь, президиум Магаданского областного суда в ходе надзорного рассмотрения уголовного дела по п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ признал недопустимыми результаты проверочной закупки как прове-

¹⁵ Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2017 г. URL: <http://sudrf.ru>.

¹⁶ Апелляционное определение Московского областного суда от 23 сентября 2014 г. по делу № 22-5038/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с послед. изм. и доп.).

¹⁸ Апелляционное определение Московского областного суда от 5 августа 2014 г. по делу № 22-4203/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

денной с нарушением ст. 2 Закона «Об ОРД»¹⁹. А судебная коллегия Московского городского суда, рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело по ч. 6 ст. 290 и ч. 4 ст. 290.1 УК РФ, наоборот, признала допустимыми результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий в связи с точным выполнением требований Закона «Об ОРД»²⁰.

Материалы оперативно-розыскной деятельности формируются за пределами сферы уголовно-процессуальных отношений; в уголовное дело они представляются уже в готовом, окончательном виде. В этой связи М. П. Поляков совершенно справедливо отмечает, что результат оперативно-розыскной деятельности есть готовый информационный продукт, нуждающийся не в трансформации, а в интерпретации²¹. В. А. Лазарева, солидаризируясь с мнением М. П. Полякова, указывает, что результаты оперативного эксперимента, проверочной закупки, контролируемой поставки никакому преобразованию не поддаются. Они либо принимаются, либо не принимаются в зависимости от того, законно или незаконно само проведение оперативно-розыскного мероприятия, соблюден или нет предусмотренный соответствующим законом его правовой режим²².

В этой связи представляется не совсем уместным и сам термин «формирование», выражающий механизм введения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс. Гораздо более правильно говорить не о формировании, а о собирании таких доказательств. В своих последних публикаци-

ях мы писали, что доктринальные категории «собрание доказательств» и «формирование доказательств» не являются взаимоисключающими; их не следует противопоставлять друг другу, как это делали и продолжают делать многие наши коллеги, занимающиеся проблемами доказательственного права²³. По нашему мнению, формирование доказательств заключается в предусмотренных УПК РФ процессуальных механизмах преобразования полезной информации в форму доказательств. Оно выражает как познавательный, так и удостоверительный аспекты доказывания и применимо к различным видам показаний, результатам «невербальных» следственных и судебных действий и экспертным заключениям. Тогда как собирание заключается именно в процессуальной легализации доказательств, в их введении в уголовное дело; оно выражает исключительно удостоверительный аспект доказывания и применимо к тем доказательствам, которые появляются в готовом виде или создаются за рамками уголовного судопроизводства, то есть к вещественным доказательствам, к «иным»²⁴ документам, к заключениям специалистов²⁵. Оно же применимо и к результатам оперативно-розыскных мероприятий. Все эти материалы если и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства, вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. На данную особенность в части «иных» документов обращалось внимание еще в фундаментальной работе «Те-

¹⁹ Постановление президиума Магаданского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 44у-7/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2014 г. по делу № 10-7154/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001. С. 220.

²² Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Высшее образование, 2009. С. 201.

²³ Например: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М. : Норма, 2008. С. 33—34 ; Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев : Вища школа, 1984. С. 10 ; Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара : Самарский госуниверситет, 2010. С. 239.

²⁴ Здесь и далее термин «иные» применительно к обозначению документов как конкретного вида уголовно-процессуальных доказательств, предусмотренных ст. 84 УПК РФ, нами преднамеренно берется в кавычки. Тем самым подчеркивается, что он является названием самостоятельного вида доказательств, то есть обозначает конкретно определенную уголовно-процессуальную категорию, а не используется в значениях «другие», «остальные» и т.д.

²⁵ Подробнее об этом см.: Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 41—43.

ория доказательств в советском уголовном процессе»²⁶.

Практика признания полноценными доказательствами материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, фактически осуществляется в режиме правовой аналогии к механизму процессуальной легализации «иных» документов. К слову, такой механизм сводится лишь к некоему процессуальному решению об их приобщении к уголовному делу. И если для судебного производства порядок принятия такого решения кратко определен в ст. 286 УПК РФ, то для досудебного производства — вообще не установлен.

Именно по этой причине некоторые авторы находят выход из рассматриваемой ситуации посредством введения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс в качестве «иных» документов²⁷. Видимо, ученые исходят из того довода, что сугубо формально «иными» документами могут быть признаны любые объекты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности материалы оперативно-розыскных мероприятий. Данная позиция находит поддержку и в решениях Конституционного Суда, неоднократно отказывавшего в принятии к рассмотрению жалоб отдельных граждан, пытавшихся оспорить конституционность ст. 84 УПК РФ как допускающей возможность использования по уголовному делу в качестве «иных» документов результатов оперативно-розыскной деятельности²⁸.

Однако с подобными суждениями и основанными на них практическими рекомендациями согласиться достаточно сложно. Ведь «иные» документы выражают сведения, сообщенные не специально уполномоченными субъектами правоохранительной деятельности, а какими-то «третьими» лицами: различными предприятиями, учреждениями, их работниками и т.д. В теории уголовного процесса их

иногда называют «свободными» доказательствами²⁹. Тогда как документальные материалы оперативно-розыскных мероприятий формируют сотрудники правоохранительных органов, пусть в рамках непроцессуальных, но достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур. По мнению М. П. Полякова, уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность вообще являются элементами единой кримкогнитивной системы³⁰. Безусловно, оперативные сотрудники не являются полноценными субъектами процессуального познания; эта прерогатива принадлежит исключительно суду, дознавателю или следователю. Тем не менее указанные лица в силу своих профессиональных функций не могут быть полностью лишены возможности установления отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, в контексте уголовно-процессуального познания их нельзя отождествлять с составителями «иных» документов, не имеющими к данному уголовному делу никакого отношения.

Кстати, еще одним аргументом нашей позиции выступает все та же ст. 89 УПК РФ, которая как бы специально выделяет результаты оперативно-розыскной деятельности из всей остальной массы информации, то есть придает им особое значение для уголовного дела. Если бы законодатель относился к ним наравне с другими документальными сведениями, исходящими от «третьих» лиц, и предполагал их приобщение к делу в качестве «иных» документов, то ст. 89 УПК РФ вообще не имела бы никакого смысла. А использование таких материалов полностью бы вписывалось в режим, установленный ст. 84 УПК РФ, и дополнительной нормативной регламентации не требовало.

Современная практика пытается найти еще один выход из существующей проблемы — через допрос в качестве свидетеля сотрудника правоохранительного органа по поводу сведе-

²⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1973. С. 681.

²⁷ Семенцов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург : УрГЮА, 2006. С. 99 ; Шейфер С. А. Указ. соч. С. 114—115.

²⁸ Например: определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О, от 24 сентября 2013 г. № 1505-О.

²⁹ Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 12.

³⁰ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности ... С. 219.

ний, полученных им в результате оперативно-го обследования, наблюдения, эксперимента и т.д. Сугубо формально такие свидетельские показания не имеют никакого превосходства перед другими доказательствами, равно как и наоборот. Они должны быть оценены наряду со всеми другими материалами уголовного дела на предмет их относимости, допустимости и достоверности. Подобная технология отчетливо напоминает англосаксонскую модель уголовного судопроизводства, сводящуюся, как известно, к непроцессуальным досудебным процедурам, подлежащим последующей судебной проверке и оценке путем различных «классических», «перекрестных», «шахматных» допросов.

К слову, в отечественной науке идеи «вестернизации» доказательственного права наиболее активно отстаивают представители и последователи так называемой Нижегородской школы в материалах, публикуемых, в частности, на сайте Международной ассоциации содействия правосудию³¹. Вместе с тем вполне очевидно, что такие высказывания имеют не столько научную, сколько политическую или вообще конъюнктурную подоплеку. Авторы выражают скептицизм в отношении национальной теории доказательств только лишь за продолжение традиций советской процессуальной доктрины, которая для них, видимо, является своеобразной «красной тряпкой», и призывают к перестроению российской системы уголовного судопроизводства по американскому образцу, предполагающему превращение следователя в полицейского детектива (the investigator), лишенного каких-либо юрисдикционных полномочий.

Не желая переводить содержание настоящей статьи в политическую плоскость и в очередной раз вступать в полемику об англосаксонском, романо-германском или собственном, национальном пути дальнейшего развития российского уголовного процесса, отметим лишь, что каждый из них имеет и свои бесспорные преимущества, и свои существенные недостатки. Причем придание самостоятельного доказательственного значения результатам деятельности внесудебных органов (неважно каких — органов предварительного расследования или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность) — это несомненное достоинство национальной модели досудеб-

ного производства, коим она значительно выигрывает перед соответствующими механизмами, используемыми в странах Запада, в первую очередь в США.

Представляется, что любой досудебный познавательный ресурс, особенно полученный на первоначальном этапе, содержит информацию, полученную «в чистом виде», «по горячим следам», например данные о материальных фрагментах объективной реальности, лично воспринятых оперативным сотрудником в момент осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Такой порядок обуславливает достаточно высокую степень достоверности и адекватности сведений. Тогда как при последующем допросе свидетель (бывший субъект познания) описывает возникшие ранее мысленные образы по прошествии определенного времени. Поэтому степень достоверности и адекватности подобных сведений намного ниже. Человек вполне может забыть или неправильно запомнить какие-то фрагменты объективной реальности; мысленные образы, сформированные в ходе различных познавательных мероприятий, могут в его сознании наложиться один на другой и т.д. В этой связи уместно вспомнить слова Н. И. Порубова о невозможности получения дознавателем, следователем, судом из свидетельских показаний такого ясного и правильного представления о происшедшем, как будто они сами были свидетелями произошедшего³².

Иными словами, последующий допрос оперативного сотрудника в качестве свидетеля не может подменять собой результатов оперативно-розыскной деятельности. Он направлен на формирование нового, отдельного доказательства — показаний свидетеля, предметом которых будут не фрагменты объективной реальности, являющиеся отражением познаваемого события, а обстоятельства участия оперативного сотрудника в проведении соответствующих мероприятий. Следовательно, допрос в данном случае — это всего лишь дополнительное следственное или судебное действие, направленное на проверку или оценку доброкачественности полученных ранее непроцессуальных результатов с целью решения вопроса об их использовании в процессе доказывания.

Если же использовать практику простого переписывания оперативно-розыскных материалов в протокол допроса свидетеля, то данные

³¹ Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). URL: <http://www.iuaj.net>.

³² Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск : Вышэйшая школа, 1968. С. 8—9.

сведения можно считать показаниями лишь сугубо формально. Фактически это будет не допрос, предполагающий получение сведений о мысленных образах, сформированных в сознании свидетеля, а лишь некий «правовой суррогат». В подобной ситуации дознаватель, следователь или суд станут как бы «допрашивать» не свидетеля, а сам протокол или акт соответствующего непроцессуального мероприятия, что будет противоречить сути допроса как следственного действия. Поэтому все подобные случаи следует расценивать как исключительно незаконные приемы.

Кстати, невозможность подмены результатов оперативно-розыскных мероприятий допросом соответствующего сотрудника, видимо, обусловлена теми же причинами, которые порождают запрет на подмену оглашения материалов следственных действий в зале судебного заседания в порядке ст. 285 УПК РФ допросом в качестве свидетеля соответствующего следователя или дознавателя.

Таким образом, предлагаемые процессуальной доктриной и нередко используемые на практике технологии «формирования» доказательств на основании результатов оперативно-розыскной деятельности носят псевдопроцессуальный, искусственный характер и фактически являются лишь «прикрытием» оперативно-розыскной информации наиболее удобным видом доказательств, причем без разбора их гносеологической природы и сущности. Подобная практика неизбежно приводит к размыванию граней между различными видами доказательств в уголовном процессе, способствует подмене одних доказательств другими или появлению доказательств, не свойственных для восприятия определенных сведений.

Все вышеизложенные доводы приводят нас к достаточно, быть может, дерзкому, но тем не менее единственному выводу, отвечающему не научной утопии, а реальным потребностям правоприменения. *Единственно возможный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного*

введения в уголовный процесс без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления.

В настоящее время уже давно назрела необходимость исследовать эти вопросы не сквозь «розовые очки с псевдодемократическими линзами», а посмотреть правде в глаза и признать, что все иные способы решения данной проблемы неизбежно обречены на провал. По крайней мере, ни одному специалисту, работающему в данном направлении, до настоящего времени не удалось сконструировать какой-либо иной действенный и эффективный способ формирования доказательств, основанных на сведениях, полученных в ходе непроцессуальных мероприятий. И об этом наиболее наглядно свидетельствуют результаты изучения и обобщения судебно-следственной практики, которая, невзирая на какие угодно законодательные запреты, идет четко в данном направлении, подобно росту травы, пробивающему каменную скалу.

К слову, большинство философских школ (как материалистической, так и идеалистической направленности) разделяет тезис, что основным критерием истины, правильности какой-либо теории, справедливости определенного суждения является именно многолетняя общественная практика. Этой идеи традиционно придерживались и советские мыслители, работавшие в духе марксистско-ленинской диалектики³³. Сегодня можно по-разному относиться к трудам В. И. Ленина и его последователей, но отрицать их фундаментализм и глубину просто глупо и неконструктивно.

Поэтому отвергать возможность прямого использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности абсолютно бессмысленно. Наоборот, ее необходимо узаконить, придать ей более правовой характер. В современных условиях борьбы с преступностью и ее организованными формами, пишет В. К. Зникин, существует острая потребность в законодательной регламентации механизма использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве³⁴. О необходимости прямого

³³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1968. Т. 18 : Материализм и эмпириокритицизм. С. 145 ; Нарский И. С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М. : Знание, 1966. С. 31 ; Диалектика процесса познания / под ред. М. Н. Алексеева, А. М. Коршунова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 12.

³⁴ Зникин В. К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 4.

использования в доказывании материалов оперативно-розыскных мероприятий сегодня начинают говорить и другие ученые³⁵.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, какого «джина» мы хотим «выпустить из бутылки», к каким негативным последствиям могут привести вносимые нами предложения, осознавая возможные риски и потенциальную опасность бесконтрольности и вседозволенности сотрудников различных оперативных подразделений правоохранительных органов, сразу поспешим сделать несколько оговорок и расставить все точки над *i*.

Во-первых, мы не настаиваем на возможности использования в доказывании любых результатов оперативно-розыскных мероприятий. Представляется, что таким правовым потенциалом могут обладать только следующие сведения:

- которые не характеризуются свойством воспроизводимости, то есть не могут быть получены повторно процессуальным (следственным или судебным) путем³⁶. Иными словами, к возможности прямого использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности должен быть применен тот же подход, на котором основаны установленные ст. 241 и гл. 37 УПК РФ правила судебного исследования доказательств, полученных в ходе предварительного расследования: оглашению подлежат лишь материалы тех процессуальных действий (протоколы, заключения экспертов), воспроизведение которых в судебном заседании невозможно или нецелесообразно;
- которые могут быть проверены и оценены уголовно-процессуальными средствами на предмет относимости, допустимости и достоверности, то есть наличия свойств,

предъявляемых ко всем доказательствам по уголовному делу. В этой связи представляется очевидным запрет на использование в доказывании результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий (например, наблюдения или оперативного внедрения и т.д.).

И во-вторых, для использования в процессе доказывания по уголовным делам соответствующих результатов сами оперативно-розыскные мероприятия должны быть возведены в такой правовой режим, который по уровню гарантий правовой доброкачественности не уступал бы уголовно-процессуальной форме. Вполне осознавая возможную критику данной позиции со стороны наших оппонентов, считающих, что при подобной новации грань между уголовным процессом и оперативно-розыскной деятельностью исчезнет и последняя превратится в еще одно квазирасследование, вновь поспешим оговориться: мы вовсе не ратуем за полную аналогию процессуального режима следственных действий и соответствующих им по способу познания оперативно-розыскных мероприятий. Мы лишь настаиваем на соразмерности общего уровня процессуальных гарантий доброкачественности, которые вполне могут различаться с учетом различного назначения и условий осуществления оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

И в завершение следует обратить внимание, что прямое использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь в совокупности с иными доказательствами, собранными (сформированными) посредством правового арсенала, находящегося в ведении органов предварительного расследования и суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамочкин В. В.* Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве: позиция Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. — 2011. — № 1. — С. 20—23.

³⁵ *Поляков М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности ... С. 220 ; *Бозров В. М.* Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46—48 ; *Зуев С. В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 97.

³⁶ *Абрамочкин В. В.* Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве: позиция Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 23.

2. Азаров В. А., Константинов В. В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. — 2013. — № 11. — С. 20—24.
3. Астафьев Ю. В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия : Право. — 2007. — № 1. — С. 280—290.
4. Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Международной научно-практической конференции. — Иркутск : БГУЭП, 2014. — С. 20—26.
5. Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскные средства уголовно-процессуального познания // Вестник ВГУ. Серия : Право. — 2006. — № 1. — С. 268—277.
6. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. — М. : Юрид. лит., 1991. — 208 с.
7. Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2004. — № 4. — С. 46—48.
8. Боруленков Ю. П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Диалектика процесса познания / под ред. М. Н. Алексеева, А. М. Коршунова. — М. : Изд-во Московского университета, 1985. — 372 с.
10. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. — М. : Юристъ, 2000. — 272 с.
11. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. — М. : Проспект, 2009. — 282 с.
12. Ежова Е. В. Проблемы раскрытия преступлений в современной России. — Уфа : БашГУ, 2008. — 226 с.
13. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 449 с.
14. Зникин В. К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск : Томский госуниверситет, 1998. — 202 с.
15. Зуев С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 94—97.
16. Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1998. — 22 с.
17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. — М. : Юристъ, 2003. — 1038 с.
18. Кудрявцева А. В., Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. — 176 с.
19. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. — М. : Высшее образование, 2009. — 344 с.
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 18 : Материализм и эмпириокритицизм. — 526 с.
21. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. — Киев : Вища школа, 1984. — 133 с.
22. Нарский И. С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. — М. : Знание, 1966. — 48 с.
23. Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. — 1993. — № 7. — С. 81—91.
24. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы Международной научно-практической конференции (27—28 октября 2003 г.). — М. : МГЮА, 2004. — С. 182—184.
25. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — 442 с.
26. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. — Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001. — 262 с.
27. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе. — Минск : Вышэйшая школа, 1968. — 273 с.
28. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 5. — С. 39—50.

29. Россинский С. Б. Следственные действия. — М. : Норма, 2018. — 240 с.
30. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. — Самара : Самарский госуниверситет, 2010. — С. 236—242.
31. Семенцов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. — Екатеринбург : УрГЮА, 2006. — 136 с.
32. Смирнов А. В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. — 2011. — № 4. — С. 28—32.
33. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
34. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — М. : Инфра-М, 2006. — 832 с.
35. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. — М. : Норма, 2008. — 342 с.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2018 г.

THE PROBLEM OF USING THE RESULTS OF CRIMINAL INTELLIGENCE AND SURVEILLANCE OPERATIONS SHOULD BE FINALLY RESOLVED

ROSSINSKY Sergey Borisovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
s.rossinskiy@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article raises the problem of the possibility and forms of using information obtained in the course of intelligence and surveillance operations for proving in criminal cases. Based on the results of his previous research in the field of evidence law, analyzing the norms of current legislation, doctrinal determinations on this issue, modern judicial and investigative practices, the author comes to the conclusion that contemporary scientific approaches and applied technologies of forming evidence based on the results of intelligence and surveillance operations are pseudo-procedural, artificial, and, in fact, are no more than a cover for information obtained as the result of intelligence and surveillance operations and constitute the most convenient type of evidence without any understanding of their gnoseological nature and essence. The author invites his colleagues to recognize that the only possible solution to the problem of using the results of intelligence and surveillance operations for providing evidence in criminal cases is to legalize the mechanisms of their direct and straightforward introduction into the criminal proceedings without the need for any imaginary, illusory procedural formalization. Taking into account possible negative consequences of the proposals being made, being aware of the likely risks and the potential danger of lack of control and permissiveness of law enforcement officers, the author simultaneously formulates the criteria for admissibility of using information collected during intelligence and surveillance operations for providing evidence in criminal cases. In his opinion, they include: a) non-reproducibility of the results obtained by investigative or judicial means; b) the possibility of checking and assessing the relevance, admissibility and reliability of the results obtained by criminal procedural means; c) the existence of a strictly formalized mode of carrying out intelligence and surveillance operations that in terms of the level of guarantees is not inferior to the regime established by criminal procedure law.*

Keywords: *Material evidence, evidence, proof, ancillary documents, non-procedural information, intelligence and surveillance operations, witness testimony, results of intelligence and surveillance operations, collection of evidence, formation of evidence.*

REFERENCES

1. Abramochkin V.V. Ispolzovanie rezultatov neglasnykh ORM v ugovnom sudoproizvodstve: pozitsiya Konstitutsionnogo Suda RF [Using the results of the secret ISO in criminal proceedings: Determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ugolovnyi protsess*. 2011. No. 1. P. 20—23. (In Russian).
2. Azarov V.A., Konstantinov V.V. Osobennosti ispolzovaniya sledovatelem rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii dolzhnostnykh prestupleniy, sovershaemykh sotrudnikami organov vnutrennikh del [Features of the use of the results of the operational-search activity by an investigator in proving professional misconduct committed by officers of the internal affairs bodies]. *Rossiyskiy sledovatel*. 2013. No. 11. P. 20—24. (In Russian).
3. Astafev Yu.V. Metodologicheskie osnovy sootnosheniya operativno-rozysknoy i dokazatel'svennoy informatsii v rassledovanii prestupleniy [Methodological basis of interrelation between operational-search and evidentiary information in investigation of crimes]. *Vestnik VSU. Series: Pravo*. 2007. No. 1. P. 280—290. (In Russian).
4. Astafev Yu.V. Operativno-rozysknoy i dokazatel'svennyy aspekt ugovno-protsessual'nogo poznaniya [Operational investigative and evidentiary aspects of criminal procedural knowledge]. *Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugovnogo sudoproizvodstva: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Criminal procedural and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference]. Irkutsk, BSU Press, 2014. P. 20—26. (In Russian).
5. Astafev Yu.V. Operativno-rozysknye sredstva ugovno-protsessual'nogo poznaniya [Operational investigative means of criminal procedural knowledge]. *Vestnik BSU. Series: Pravo*. 2006. No. 1. P. 268—277. (In Russian).
6. Bednyakov D.I. Neprotsessual'naya informatsiya i rassledovanie prestupleniy [Non-procedural information and crime investigation]. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1991. 208 p. (In Russian).
7. Bozrov V.M. Rezultatam operativno-rozysknoy deyatel'nosti — status dokazatel'stv v ugovnom protsesse [Results of operational search activity should be given the status of evidence in criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2004. No. 4. P. 46—48. (In Russian).
8. Borulenkova Yu. P. K voprosu o ponyatii «veshchestvennye dokazatel'stva» [The issue of the concept of “material evidence”]. *SPS “ConsultantPlus”*. (In Russian).
9. Dialektika protsessa poznaniya [Dialectic of the process of cognition]. M.N. Alekseev, A.M. Korshunov (eds). Moscow, Moscow University Press, 1985. 372 p. (In Russian).
10. Dokazyvanie v ugovnom protsesse: traditsii i sovremennost [Proving a criminal procedure: Traditions and modernity]. V. A. Vlasihin (ed.). Moscow, Yurist publ., 2000. 272 p. (In Russian).
11. Dolya E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational investigative activities]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 282 p. (In Russian).
12. Yezhova E.V. Problemy raskrytiya prestupleniy v sovremennoy Rossii [Problems of solving crimes in modern Russia]. Ufa, Bashkir State University Press, 2008. 226 p. (In Russian).
13. Zazhitsky V.I. Rezultaty operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve [Results of operational-search activity in criminal proceedings]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsent-Press, 2006. 449 p. (In Russian).
14. Znikin V.K. Ispolzovanie operativno-rozysknoy informatsii v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii: dis. ... kand. yurid. nauk [The use of operational-search information in criminal procedural evidence: PhD Thesis]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1998. 202 p. (In Russian).
15. Zuev S.V. Ispolzovanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v kachestve dokazatel'stv [Use of the results of operational-search activity as evidence]. *Ugolovnoe Pravo*. 2007. No. 3. P. 94—97. (In Russian).
16. Kamyshin V.A. Inye dokumenty kak «svobodnoe» dokazatel'stvo v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Other documents as “free” evidence in criminal proceedings: Abstract of the PhD Thesis]. Izhevsk, Udmurt State University Press, 1998. 22 p.
17. Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RF [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. D. N. Kozak, E. B. Mizulina (eds). Moscow, Yurist publ., 2003. 1038 p. (In Russian).
18. Kudryavtseva A.V., Khudyakova Yu.V. Veshchestvennye dokazatel'stva v ugovnom protsesse rossii [Physical evidence in the criminal process in Russia]. Chelyabinsk, Polygraph-Master Publ., 2006. 176 p. (In Russian).

19. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugovnom protsesse. Moscow, Vysshee obrazovanie Publ., 2009. 344 p. (In Russian).
20. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t. [Full Collection of Works : in 55 vol. Moscow, Politizdat publ., 1968. Vol. 18: Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and empirio-criticism]. 526 p. (In Russian).
21. Mikheenko M.M. Dkazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse [Proving in the Soviet criminal process]. Kiev, Vishcha shkola, 1984. 133 p. (In Russian).
22. Narsky I.S. Aktualnye problemy marksistsko-leninskoy teorii poznaniya [Actual problems of the Marxist-Leninist theory of cognition]. Moscow, Znaniye Publ., 1966. 48 p. (In Russian).
23. Petrukhin I.L. Sudebnaya vlast i rassledovanie prestupleniy [Judicial power and investigation of crimes]. Gosudarstvo i pravo [The State and Law]. 1993. No. 7. P. 81—91. (In Russian).
24. Polyakov M.P. Ispolzovanie rezultatov ord v dokazyvanii [The use of the results of the ISO in proving]. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: god pravoprimereniya i prepodavaniya : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (27—28 oktyabrya 2003)* [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: The Year of Law Enforcement and Teaching: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (October 27—28, 2003)]. Moscow, MSAL Press, 2004. P. 182—184. (In Russian).
25. Polyakov M.V. Ugolovno-protsessualnaya interpretatsiya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti : dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal Procedural Interpretation of the Results of the Operational-Search Activity: Doctoral Dissertation]. N. Novgorod, 2002. 442 p. (In Russian).
26. Polyakov M.V. Ugolovno-protsessualnaya interpretatsiya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Criminal Procedural Interpretation of the Results of the Operational-Search Activity]. N. Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of Law Press, 2001. 262 p. (In Russian).
27. Porubov N.I. Dopros v sovetskom ugovnom protsesse [Interrogation in the Soviet criminal process]. Minsk, Vysheyschaya shkola, 1968. 273 p. (In Russian).
28. Rossinsky S. B. O strukture ugolovno-protsessualnogo dokazyvaniya [On the structure of criminal procedural evidence]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, analysis, practice]. 2017. No. 5. P. 39—50. (In Russian).
29. Rossinsky S. B. Sledstvennye deystviya [Investigative Activities]. Moscow, Norma publ., 2018. 240 p. (In Russian).
30. Sementsov V.A. Formirovanie dokazatelstv v strukture ugolovno-protsessualnogo dokazyvaniya [Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence]. Aktualnye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Actual problems of the modern criminal process in Russia: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. V.A. Lazarev (ed.). Samara, Samara State University Press, 2010. P. 236—224. (In Russian).
31. Sementsov V.A., Safonov V.Yu. Pravovye predposylki i etapy realizatsii rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dosudebnom proizvodstve [Legal prerequisites and stages of implementation of the results of operational-search activity in pre-trial proceedings]. Yekaterinburg, USLA Press, 2006. 136 p.
32. Smirnov A.V. Chto veshchestvennym dokazatelstvom [What is material evidence]. *Ugolovnyi protsess*. 2011. No. 4. P. 28—32.
33. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [Theory of evidence in the Soviet criminal process]. N.V. Zhogin (ed.). Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1973. 736 p.
34. Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti : uchebnik [The theory of operational investigative activities: A Textbook]. K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov (eds.). Moscow, Infra-M publ., 2006. 832 p.
35. Sheifer S.A. Dokazatelstva i dokazyvanie po ugolovnym delam [Evidence and proving in criminal cases]. Moscow, Norma Publ., 2008. 342 p.